

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

[1. Геннадий АКИМОВ. Курск, Россия](#)

Фронтная

На западном фронте стоит бригадир -
пожизненно выросший в казённый мундир
хозяин переднего края.

Вечерняя тень заползает на кряж,
в котлах закипает солдатский гуляш,
и песня плывёт фронтная.

На фронте восточном засел курбаши:
намаз совершает, жуёт беляши,
лелеет коварные планы.
Куплеты мурлычат его басмачи,
долина поёт в соловьиной ночи,
и смерть боевая желанна.

А северный фронт утопает в снегу,
и шлёт позывные радист-балагур
на юг, загорелому братцу.
Тот курит сигарку, лежит на спине,
и в небо глядит, где парады планет

проходят по звёздному плацу.

Проходят по кругу, к зениту стремясь.
И льдиной багровой вращается Марс,
инстинкт боевой пробуждая.
Вращаются фронты, огни, времена,
по кругу идёт вековая война,
вражда без конца и без края.

Встают мертвецы из верденских болот -
их внуки уходят в крестовый поход,
как встарь, по предгорьям бейрутским.
А в памяти нашей - степная орда,
и хруст заалевшего чудского льда,
и гром канонады под Курском.

Взгляни сквозь мерцающий алый кристалл -
увидишь лужок в деревянных крестах,
горящие избы и танки.
В холодной земле будут медленно тлеть
приклады, мундиры, железо и медь,
солдат неизвестных останки.

Мальчишка с моими глазами бежит
в саду, где раскинулось дерево - жизнь,
родное до слёз каждой веткой.
Я дрался за это в наземном бою,
а в небе сражались за душу мою
два лётчика - тёмный и светлый...

Наверное, в небе давно решено,
что нам не наполнить войны решето,
что незачем ждать перемены.
Уснули бойцы, а над ними - провал:
под чёрной повязкой - незрячий овал,
пустая глазница Вселенной...

[2. Игорь ЛУКШТ. Москва, Россия](#)

Ковчег

Паутина мерцает,
полусумрак и шорохи, ворохи сена.
Как созвездья, пылины пылают в лучах,
проникающих в чрево сенного сарая
сквозь щербатые щели неструганных плах.

И звенит тишина здесь и ночью и денно
на окраине рая

В захолустье великом
лишь гудение ос под стропилами кровли...
Смоляные янтарные капли соча,
сохнут доски на балках. И горней музыкой
проливается древний напев скрипача -
на камнях, на былинах, поленницах дров ли -
вольно гимны пиликать.

Пой в краю глухоманном,
где в охапках примятых подсохшие травы
долго память хранят драгоценных ночей –
лепет губ и прохладные пальцы Татьяны.
И надкушенный плод, щёк зардевших красней,
всё мерещится в космах зелёной отавы,
в белой зыбке тумана...

Днесь в ковчеге дощатом
пахнет сеном нагретым, сосною и летом.
Дверь распахнута, и веткой вишни шуршит
пробегающий ветер - шаманит, крылатый,
шевелит облаков снеговые ковши.
Степь колышет соцветья. И в осыпях света -
нежный щебет касаток...

[3. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия](#)

Пристань сорока шоссе

Столица – пристань сорока шоссе.
Сюда приходит каждый одиссей
И учит по ускоренной программе
Язык – неглинный, трубный, моховой;
Брусчатка облаков над головой
Пружинит под тяжелыми шагами:
Архангелов почетный караул
Москву по кромке МКАДа обогнул.

Бог перекрестков, сидя на Тверской,
Орудует в наперстки день-деньской
И шарик солнца под Манежной прячет,
А ты плывешь, пятак зажав в руке.
Ручей Варварки вынесет к реке
Трамвайчик и косяк машин в придачу –

Сквозь грязь и хлябь просоленной зимы
В неистребимый запах шаурмы.

Смеется март, гуляка и ходок...
Эй, одиссей, купи себе хот-дог
И полвесны московского разлива.
В Гребном канале проступает Тибр,
Над Пушкинской вспухает Палатин,
Мимоза превращается в оливу,
И варвары, как и пристало им,
По камешку разносят Третий Рим.

Нетороплив столичный рагнарек.
Ты, одиссей, ступай себе в ларек,
А лучше возвращайся на Итаку.
Не тронь времен ослабленную связь.
Твоя война еще не началась,
А там, глядишь, и Троя сменит власть,
И пенелопам не придется плакать.

[4. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Сиреневый ослик

Старушка с клюкой и сиреневый ослик
Спускаются к рынку тропинкой отлогой.
И думает ослик про слякоть и дождик...
Дождь вправду идет, -
никаких апологов!

С рассвета они из ближайшей деревни
Идут: обижаясь, упрямясь и споря...
Сиреневый ослик нагружен сиренью,
За цветом его -
никаких аллегорий.

[5. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия](#)

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -

Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

[6. Аркадий КАРИЕВ. Рига, Латвия](#)

Из письма

Тут все по старому, мой друг, тут все по старому
И снег на крышах тает по весне
И женщина, с движеньями усталыми
По вечерам является ко мне
Мы курим, кофе пьем и крутим музыку
Мелодии когдатошнего дня
Я памятью своей ее не мучаю
Она своей не мучает меня.
Она уйдет, или она останется
А завтра вновь придет и вновь уйдет
Не суждено нам вместе стариться,
Тащить вериги будничных забот.
Ей хочется, Бог весь, чего ей хочется
Как всем, должно быть, счастья и тепла,
Она всю жизнь бежала одиночества
И убежать, как видно, не смогла
И всякий раз прощаясь с ней на лестнице,
И говоря привычное «Пока!»
Тоска меня пронзает в сердце лезвием
Такая непонятная тоска.
И что я ей, в ее отчаянной бездонности
Что мне она, в моем пустом доме.
Как дно искать в отчаянной бездонности
И горестно, и вовсе ни у чему.

[7. Наталья НЕЧАЯННАЯ. Москва, Россия](#)

Господи, сделай меня солдатом

Господи, сделай меня солдатом. Всеподчинённым и подкомандным. Чтобы сказали: «Иди туда-то!», а им не выкрикнешь: «Негуманно!».

Чтоб приказали: «Наталья, лодырь, - бег, отжимания до упаду». Ты же – протестом не режешь глотку, ибо: «Есть ёмкое слово: надо».

Господи, дай мне мое солдатство. Полнобезволие, всеконтрольность. Чтоб показали, куда податься. Чтоб разъяснили, что «К черту – вольность».

Чтобы послушна, как под наркозом. Скажут: «Спи, стоя!», ну, значит, стоя. Скажут: «Сдавай-ка на экспорт кожу!», и не возникнет вопроса: «Стоит?..»

Чтоб каждый день, как устав, - не ново. Чтобы путь топтан, знаком, заказан. Чтобы сказали: «Забудь такого». И забываешь – приказ приказом.

Чтоб все по графикам, цифрам, датам: время чихнуть, рассмеяться, охнуть.

Господи, сделай меня солдатом. Господи, дай мне команду сдохнуть.

[8. Леонид ПОТОРАК. Кишинев, Молдова](#)

Есть все у жизни, кроме постоянства

Есть все у жизни, кроме постоянства.

Все птичий свист и суета сует.

Взглянуть на карту наших встреч и странствий –

Ни вымысла, ни замысла в ней нет.

Над случаем вовек не властны силы:

Когда бы миром правило число,

Оно бы нас расчетливей сводило

И в стороны вернее развело.

Так изредка на миг являет рядом

Твои глаза бегущая река...

О, если б я был жив лишь этим взглядом,

Была бы жизнь сверх меры коротка,

Но, - к сожаленью, к счастью ль? – мы частицы

В сложнейшей из реакций, и живем,

Пока над нами в темноте искрится

Созвездьями заполненный объем.

Две тверди – жернова. Мы где-то между.

Но там, сквозь бег ночного колеса,

Я вижу, как созвездие надежды

Еловой веткой шарит в небесах.

[9. Игорь ТИШИН. Казань, Россия](#)

Жёлтый платок

у меня подружка есть
невозможно глаз отвести
жёлтый платок, золотая прядь

мы с ней любим гулять, гулять
по безлюдным дворам, дворам
по поздним по пасмурным вечерам
держаться за руки, отводить глаза
не ревнуй меня к юльке, ты красивая, а она коза

у неё в семье страшные творятся дела
у неё было двое бабушек, одна умерла
вторая пропала, заявили в милицию, не нашли
как прыщик, исчезла с лица земли

нашли только очки её и клюку

у неё было двое дедушек, теперь их нет
один за другим отправились на тот свет

любимая, жёлтый платок, голубой вельвет
нужно быть начеку

смерть поджидает на каждом шагу

у юльки есть братик и мама с отцом
она вроде держится молодцом
только звякнуло что-то в её груди
точно последняя порвалась струна
но самое страшное вроде бы позади

раньше мы с юлькой гуляли допоздна, допоздна
напивались допьяна, допьяна
и когда мы ходили под полной луной
мне мерещились крылья у нас за спиной
я думал, она будет вечно со мной

мы расстались с ней прошлой весной

она ушла к другому, а я — к тебе

золотая прядь в жестяном сентябре
жёлтый платочек, мелькающий в тёмном дворе
вода дождевая на нижней губе
огонёк путеводный в моей
непроглядной судьбе

а юлька коза
не ревнуй пожалуйста к ней

[10. Егор МИРНЫЙ. Мелеуз, Россия](#)

Дельфины

смирившись с тем, что "влюблён" - это статус, а молоко бывает птичьим,
пересмотрев в сотый раз "Бездну" и другие любимые фильмы,
погружаешься в пучину фантастического безразличия,
а там - дельфины.

и так они ластятся к тебе, так пробуют тебя на запах,
словно выясняют, сколько в тебе рассеяно пыльцы света,
а ты не помнишь себя от счастья, потому что не будет уже никакого "завтра",
будет - вера

в то, что нет ничего разумного, есть только смерть и танцы,
не захочется больше выяснять, какими чувствами ты болен:
чувствам бесполезно сообщать, как они называются,
болезням - тем более.

дельфины подбрасывают тебя в тёплый космос, курлычат что-то, наверное, радуются.
привыкаешь к невесомости, к мягким плавникам, а вдалеке сквозь рыхлый пар
виднеются
твои детские книжки, утонувший брат, любимая девушка под капельницей,
фабрика Уолта Диснея.

{jacomment off}

1. Геннадий АКИМОВ. Курск, Россия

Фронтная

На западном фронте стоит бригадир -
пожизненно вросший в казённый мундир
хозяин переднего края.
Вечерняя тень заползает на кряж,

в котлах закипает солдатский гуляш,
и песня плывёт фронтовая.

На фронте восточном засел курбаши:
намаз совершает, жуёт беляши,
лелеет коварные планы.
Куплеты мурлычат его басмачи,
долина поёт в соловьиной ночи,
и смерть боевая желанна.

А северный фронт утопает в снегу,
и шлёт позывные радист-балагур
на юг, загорелому братцу.
Тот курит сигарку, лежит на спине,
и в небо глядит, где парады планет
проходят по звёздному плацу.

Проходят по кругу, к зениту стремясь.
И льдиной багровой вращается Марс,
инстинкт боевой пробуждая.
Вращаются фронты, огни, времена,
по кругу идёт вековая война,
вражда без конца и без края.

Встают мертвецы из верденских болот -
их внуки уходят в крестовый поход,
как встарь, по предгорьям бейрутским.
А в памяти нашей - степная орда,
и хруст заалевшего чудского льда,
и гром канонады под Курском.

Взгляни сквозь мерцающий алый кристалл -
увидишь лужок в деревянных крестах,
горящие избы и танки.
В холодной земле будут медленно тлеть
приклады, мундиры, железо и медь,
солдат неизвестных останки.

Мальчишка с моими глазами бежит
в саду, где раскинулось дерево - жизнь,
родное до слёз каждой веткой.
Я дрался за это в наземном бою,
а в небе сражались за душу мою
два лётчика - тёмный и светлый...

Наверное, в небе давно решено,

что нам не наполнить войны решето,
что незачем ждать перемены.
Уснули бойцы, а над ними - провал:
под чёрной повязкой - незрячий овал,
пустая глазница Вселенной...

2.Игорь ЛУКШТ. Москва, Россия

Ковчег

Паутина мерцает,
полусумрак и шорохи, ворохи сена.
Как созвездья, пылины пылают в лучах,
проникающих в чрево сенного сарая
сквозь щербатые щели неструганных плах.
И звенит тишина здесь и ночью и денно
на окраине рая

В захолустье великом
лишь гудение ос под стропилами кровли...
Смоляные янтарные капли соча,
сохнут доски на балках. И горней музыкой
проливается древний напев скрипача -
на камнях, на былинах, поленницах дров ли -
вольно гимны пиликать.

Пой в краю глухоманном,
где в охапках примятых подсохшие травы
долго память хранят драгоценных ночей –
лепет губ и прохладные пальцы Татьяны.
И надкушенный плод, щёк зардевших красней,
всё мерещится в космах зелёной отавы,
в белой зыбке тумана...

Днесь в ковчеге дощатом
пахнет сеном нагретым, сосною и летом.
Дверь распахнута, и веткой вишни шуршит
пробегающий ветер - шаманит, крылатый,
шевелит облаков снеговые ковши.
Степь колышет соцветья. И в осыпях света -
нежный щебет касаток...

3. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

Пристань сорока шоссе

Столица – пристань сорока шоссе.
Сюда приходит каждый одиссей
И учит по ускоренной программе
Язык – неглинный, трубный, моховой;
Брусчатка облаков над головой
Пружинит под тяжелыми шагами:
Архангелов почетный караул
Москву по кромке МКАДа обогнул.

Бог перекрестков, сидя на Тверской,
Орудует в наперстки день-деньской
И шарик солнца под Манежной прячет,
А ты плывешь, пятак зажав в руке.
Ручей Варварки вынесет к реке
Трамвайчик и косяк машин в придачу –
Сквозь грязь и хлябь просоленной зимы
В неистребимый запах шаурмы.

Смеется март, гуляка и ходок...
Эй, одиссей, купи себе хот-дог
И полвесны московского разлива.
В Гребном канале проступает Тибр,
Над Пушкинской вспухает Палатин,
Мимоза превращается в оливу,
И варвары, как и пристало им,
По камешку разносят Третий Рим.

Нетороплив столичный рагнарек.
Ты, одиссей, ступай себе в ларек,
А лучше возвращайся на Итаку.
Не тронь времен ослабленную связь.
Твоя война еще не началась,
А там, глядишь, и Троя сменит власть,
И пенелопам не придется плакать.

4. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Сиреневый ослик

Старушка с клюкой и сиреневый ослик
Спускаются к рынку тропинкой отлогой.
И думает ослик про слякоть и дождик...
Дождь вправду идет, -
никаких апологов!

С рассвета они из ближайшей деревни
Идут: обижаясь, упрямясь и споря...
Сиреневый ослик нагружен сиренью,
За цветом его -
никаких аллегорий.

5. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -
Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

6. Аркадий КАРИЕВ. Рига, Латвия

Из письма

Тут все по старому, мой друг, тут все по старому
И снег на крышах тает по весне
И женщина, с движеньями усталыми
По вечерам является ко мне
Мы курим, кофе пьем и крутим музыку
Мелодии когдатошнего дня
Я памятью своей ее не мучаю
Она своей не мучает меня.
Она уйдет, или она останется
А завтра вновь придет и вновь уйдет
Не суждено нам вместе стариться,
Тащить вериги будничных забот.

Ей хочется, Бог весь, чего ей хочется
Как всем, должно быть, счастья и тепла,
Она всю жизнь бежала одиночества
И убежать, как видно, не смогла
И всякий раз прощаясь с ней на лестнице,
И говоря привычное «Пока!»
Тоска меня пронзает в сердце лезвием
Такая непонятная тоска.
И что я ей, в ее отчаянной бездомности
Что мне она, в моем пустом доме.
Как дно искать в отчаянной бездонности
И горестно, и вовсе ни у чему.

7. Наталья НЕЧАЯННАЯ. Москва, Россия

Господи, сделай меня солдатом

Господи, сделай меня солдатом. Всеподчинённым и подкомандным. Чтобы сказали: «Иди туда-то!», а им не выкрикнешь: «Негуманно!».

Чтоб приказали: «Наталья, лодырь, - бег, отжимания до упаду». Ты же – протестом не режешь глотку, ибо: «Есть ёмкое слово: надо».

Господи, дай мне мое солдатство. Полнобезволие, всеконтрольность. Чтоб показали, куда податься. Чтоб разъяснили, что «К черту – вольность».

Чтобы послушна, как под наркозом. Скажут: «Спи, стоя!», ну, значит, стоя. Скажут: «Сдавай-ка на экспорт кожу!», и не возникнет вопроса: «Стоит?..»

Чтоб каждый день, как устав, - не ново. Чтобы путь топтан, знаком, заказан. Чтобы сказали: «Забудь такого». И забываешь – приказ приказом.

Чтоб все по графикам, цифрам, датам: время чихнуть, рассмеяться, охнуть.

Господи, сделай меня солдатом. Господи, дай мне команду сдохнуть.

8. Леонид ПОЛТОРАК. Кишинев, Молдова

Есть все у жизни, кроме постоянства

Есть все у жизни, кроме постоянства.

Все птичий свист и суета сует.

Взглянуть на карту наших встреч и странствий –

Ни вымысла, ни замысла в ней нет.

Над случаем вовек не властны силы:

Когда бы миром правило число,
Оно бы нас расчетливей сводило
И в стороны вернее развело.

Так изредка на миг являет рядом
Твои глаза бегущая река...
О, если б я был жив лишь этим взглядом,
Была бы жизнь сверх меры коротка,

Но, - к сожаленью, к счастью ль? – мы частицы
В сложнейшей из реакций, и живем,
Пока над нами в темноте искрится
Созвездьями заполненный объем.

Две тверди – жернова. Мы где-то между.
Но там, сквозь бег ночного колеса,
Я вижу, как созвездие надежды
Еловой веткой шарит в небесах.

9. Игорь ТИШИН. Казань, Россия

Жёлтый платок

у меня подружка есть
невозможно глаз отвести
жёлтый платок, золотая прядь

мы с ней любим гулять, гулять
по безлюдным дворам, дворам
по поздним по пасмурным вечерам
держаться за руки, отводить глаза
не ревнуй меня к юльке, ты красивая, а она коза

у неё в семье страшные творятся дела
у неё было двое бабушек, одна умерла
вторая пропала, заявили в милицию, не нашли
как прыщик, исчезла с лица земли

нашли только очки её и клюку

у неё было двое дедушек, теперь их нет
один за другим отправились на тот свет

любимая, жёлтый платок, голубой вельвет
нужно быть начеку

смерть поджидает на каждом шагу

у юльки есть братик и мама с отцом
она вроде держится молодцом
только звякнуло что-то в её груди
точно последняя порвалась струна
но самое страшное вроде бы позади

раньше мы с юлькой гуляли допоздна, допоздна
напивались допьяна, допьяна
и когда мы ходили под полной луной
мне мерещились крылья у нас за спиной
я думал, она будет вечно со мной

мы расстались с ней прошлой весной

она ушла к другому, а я — к тебе
золотая прядь в жестяном сентябре
жёлтый платочек, мелькающий в тёмном дворе
вода дождевая на нижней губе
огонёк путеводный в моей
непроглядной судьбе

а юлька коза
не ревнуй пожалуйста к ней

10. Егор МИРНЫЙ. Мелеуз, Россия

Дельфины

смирившись с тем, что "влюблён" - это статус, а молоко бывает птичьим,
пересмотрев в сотый раз "Бездну" и другие любимые фильмы,
погружаешься в пучину фантастического безразличия,
а там - дельфины.

и так они ластятся к тебе, так пробуют тебя на запах,
словно выясняют, сколько в тебе рассеяно пыльцы света,
а ты не помнишь себя от счастья, потому что не будет уже никакого "завтра",
будет - вера

в то, что нет ничего разумного, есть только смерть и танцы,
не захочется больше выяснять, какими чувствами ты болен:
чувствам бесполезно сообщать, как они называются,
болезням - тем более.

дельфины подбрасывают тебя в тёплый космос, курлычат что-то, наверное, радуются.

Павел КИРИЛЛОВ. "Лучшие конкурсные стихи";

Автор: Оргкомитет
08.05.2012 14:41

привыкаешь к невесомости, к мягким плавникам, а вдалеке сквозь рыхлый пар
виднеются

твои детские книжки, утонувший брат, любимая девушка под капельницей,
фабрика Уолта Диснея.